

Сергей Патрушев

Разговор женщины с богом

Сергей Патрушев
Разговор женщины с богом

«Автор»

2026

Патрушев С.

Разговор женщины с богом / С. Патрушев — «Автор», 2026

Эта книга — не просто история. Это тихая исповедь души, которая прожила целую жизнь и лишь на пороге вечности узнала, что значит по-настоящему жить. Женщина, уставшая от шестидесятипятилетней гонки за призрачным счастьем, присела на скамейку в осеннем парке и закрыла глаза. А когда открыла — увидела Свет. Тот самый Свет, что всегда был рядом, но оставался незамеченным за пеленой повседневной суеты. Ей открылся Разговор. Разговор, в котором не было ни грозного суда, ни приговора, а только бесконечная, всепрощающая Любовь и ответы на вопросы, которые она боялась задать себе всю жизнь. В этом пространстве между землей и небом ей предстоит пройти путь, знакомый каждой пробуждающейся душе: раскаяние, переосмысление своего прошлого, мучительное прокручивание ошибок и, наконец, долгожданное прощение. От первых слез стыда до тихой гавани упокоения — эта книга проведет вас через самые сокровенные этапы исцеления духа.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Разговор с Богом	6
Глава 2. Раскаяние	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сергей Патрушев
Разговор женщины с богом

Глава

Глава 1. Разговор с Богом

В тот день я просто устала. Не той усталостью, что лечится сном или чашкой горячего чая, а какой-то глубинной, всепроникающей усталостью, что поселилась в костях еще лет двадцать назад и с тех пор только разрасталась. Мне было шестьдесят пять, и я этого возраста почти не замечала, пока вдруг не поняла, что идти дальше просто некуда. Был теплый сентябрьский вечер, из тех, что пахнут прелой листвой и обещанием скорых холодов. Я возвращалась из булочной с бумажным пакетом, в котором лежал еще горячий багет, и вдруг увидела в сквере свободную скамейку. Она стояла под старым кленом, и на нее падали косые золотые лучи заходящего солнца. Я присела, просто чтобы перевести дух, поставила пакет рядом, вытянула натруженные ноги и посмотрела вокруг.

И тогда я впервые за долгие годы по-настоящему покула этот мир. Именно покула — вкусила его, как пробуют драгоценное вино, медленно, каплю за каплей. Я увидела, как ветер играет с прядью волос молодой мамы, катящей коляску по аллее. Увидела стайку воробьев, ссорящихся из-за хлебной корки. Увидела трещинки на асфальте, в которых поблескивала слюда, и небо — бесконечно глубокое, бледно-голубое, с едва заметной дымкой на горизонте. Все это вдруг сложилось в единую картину совершенной, невыразимой красоты. Каждая деталь дышала, жила и была частью чего-то огромного, чего я раньше, в суете своих дней, не замечала. Я почувствовала, как теплый воздух касается моих щек, как пахнет нагретой за день листвой и чуть-чуть бензином от далекой дороги. Это был покой. Абсолютный, ничем не замутненный покой. Мои глаза медленно закрылись, и я перестала чувствовать границу между своим телом и этой скамейкой, воздухом, листвой. Я просто растворилась в этом золотом свете.

А потом пришла тьма. Нет, это была не страшная тьма, а скорее мягкая, бархатная пустота, как самое начало сна. Я не поняла, что умерла. Для меня это было лишь естественным продолжением того покоя, что я обрела на скамейке. Просто мир звуков и красок померк, а вместо него пришло ощущение бесконечного, необъятного пространства. Я не чувствовала своего тела, не чувствовала веса или температуры, я была просто сознанием, точкой восприятия, парящей в океане безмолвия.

И в этой бездонной тишине я ощутила Присутствие. Оно не имело формы. Я не видела его, потому что смотреть было некому и не на что. У Него не было лица, не было глаз, не было физической оболочки, которую мог бы уловить мой покинутый человеческий взгляд. Но я слышала Его. Или, вернее, я Его чувствовала — каждой частицей того, чем я теперь являлась. Его голос не имел звука, это была мысль, которая обволакивала меня, проникала в самую мою суть, и эта мысль была теплой, как объятие матери, и необъятной, как космос. Он был везде и нигде. Он был самой тканью этой пустоты и одновременно ее творцом, стоящим за гранью. Он был вопросом и ответом, началом и концом. И в Его присутствии не было страха, была лишь любовь такой чистоты и силы, что все мои земные представления о чувствах казались теперь тусклыми тенями на пыльной стене.

«Вот ты и дома», — прозвучало во мне и вокруг меня. Это была не фраза, а целая волна понимания. Дом — не место, а состояние возвращения к Истоку.

«Я умерла?» — спросила я без слов, одним движением своего удивления. Мой вопрос был как рябь на воде, и Он уловил ее прежде, чем она сформировалась.

«Ты просто оставила костюм, который стал тебе тесен, — пришел беззвучный ответ, мягкий и успокаивающий. — Ты сняла пальто, в котором ходила шестьдесят пять зим, и повесила его на скамейку в парке. Красивый был вечер, не правда ли? Я старался для тебя».

В этом «Я старался для тебя» было столько нежности, что, если бы у меня еще были глаза, я бы заплакала. Но я могла лишь трепетать в лучах Его внимания. И в этом трепете родилось мое первое, самое важное удивление.

«Значит, Ты... Ты правда есть?» — Это был не вопрос веры, а крик изумленного облегчения. Всю жизнь я металась между смутной надеждой и холодным скепсисом. Я ходила в церковь пару раз в год, ставила свечи скорее по привычке, чем по зову сердца, и до конца не верила, что за всей этой сложной механикой мира кто-то стоит. Я надеялась, но не знала.

«Я есть, — ответил Он. И это «есть» вместило в себя всё сущее. — Я всегда был. Просто у тебя наконец открылись глаза. Точнее, первая пара глаз. Та, что дана тебе от рождения, видела лишь тени и отсветы на стене пещеры. Сейчас открылась вторая. И она видит свет».

«Вторая пара глаз?» — переспросила я, жадно впитывая новое знание.

«Назовем нашу беседу так, — предложил Он, и в Его беззвучном голосе мне почудилась улыбка, теплая, как свет далекой звезды. — Мы будем говорить о твоей жизни, о том, что ты видела и чего не видела. И это будет разговор, в котором твои вторые глаза наконец увидят то, мимо чего всю жизнь скользили первые».

Я согласилась. А что мне еще оставалось? Я была захвачена Им, очарована и умиротворена. И мы начали говорить. Передо мной, или скорее во мне, начала разворачиваться вся моя жизнь, но не как скучная хроника событий, а как объемная, живая карта причин и смыслов. Он показывал мне моменты, которые я давно забыла, и спрашивал, что я видела тогда.

«Помнишь утро, когда тебе было семь лет, и ты нашла на подоконнике мертвую бабочку?» — спросил Он.

Я вспомнила. Летнее утро, распахнутое окно, тюлевая занавеска пузырится от ветра, а на белом подоконнике лежит павлиний глаз. Его бархатные крылья были неподвижны. Я смотрела на него и впервые в жизни ощутила ужас перед конечностью всего живого.

«Ты видел это?» — спросила я.

«Я видел твой взгляд, — ответил Он. — Ты смотрела на смерть, но видела только пустоту. Твои первые глаза наполнились слезами. Но если бы у тебя тогда были вторые, ты бы увидела не смерть, а переодевание. Бабочка сбросила одну форму, чтобы принять другую. Она не исчезла, она перешла в иное состояние, точно так же, как ты сейчас перешла из женщины на скамейке в то, чем ты являешься здесь и сейчас».

Я потрясенно молчала. Он продолжал вести меня по лабиринтам прошлого. Мы прошли через мою первую любовь. Я снова ощутила тот горький привкус разбитого сердца, когда парень, за которого я собиралась замуж, просто не пришел в ЗАГС. Я стояла в белом платье, с

букетом лилий, и мир рушился в тартарары. Я помнила стыд, злость, отчаяние. А Он показал мне другое.

«Смотри моими глазами, — сказал Он. — Ты видела предательство и крах. А Я видел, как твоя душа закаляется. Этот человек не был твоей судьбой, он был твоим тренажером. Через боль ты училась состраданию к самой себе. Без того урока ты никогда не стала бы той, кто сможет потом утешить подругу, попавшую в такую же беду. Ты плакала в подушку, а Я вытирал твои слезы, хотя ты Меня не чувствовала. Ты кричала от боли, и каждый твой крик эхом отдавался во Мне. Ты никогда не была одна в той комнате».

Это откровение пронзило меня. Не наказание, а урок. Не одиночество, а невидимое присутствие. Все те годы я считала себя брошенной и Богом, и людьми, а оказывается, Он был ближе всего именно в тот момент, когда я сжималась в комок на кровати, не в силах дышать от горя.

Мы шли дальше. Рождение детей. Я вспомнила мучительные схватки, страх и ту всепоглощающую волну любви, которая накрыла меня, когда я впервые взяла на руки маленький, орущий сверток. «Я держал тебя за руку, — сказал Он. — И в тот момент Я подарил тебе часть Своей творческой силы. Ты стала со-творцом. Ты дала жизнь. Это самое божественное, что может сделать человек в своем плотном костюме».

А потом Он показал мне то, чего я ждала и боялась. Мои ежедневные, ничем не примечательные грехи. Те, что я считала мелкими и несущественными. Как я накричала на уставшего мужа после тяжелого дня. Как рывкнула на сына, когда он мешал мне смотреть сериал. Как прошла мимо нищего, брезгливо поджав губы. Как завидовала более успешной коллеге. Я приготовилась к осуждению, сжалась, ожидая карающего грома. Но ничего не произошло. Лишь тихая грусть наполнила пространство. Грусть не обо Мне, а скорее обо мне.

«Ты осуждаешь меня?» — робко спросила я.

«Я не умею осуждать, — ответил Он. — Это чисто человеческое изобретение. Я могу только любить и ждать. Я смотрел на всё это и ждал, когда же ты откроешь вторые глаза. Ты кричала на мужа, потому что устала. Ты кричала на ребенка, потому что хотела покоя. Ты прошла мимо нищего, потому что испугалась, что сама можешь оказаться на его месте. Я видел корень каждого твоего поступка. И это всегда был страх, а не злоба. Я не сужу больного за то, что он кашляет. Я просто хотел, чтобы ты выздоровела от страха. Единственный грех — это слепота. Но и это не преступление, а болезнь, которую Я мечтал исцелить».

Я вспомнила себя в сорок, в пятьдесят, в шестьдесят. Вечная гонка. Работа, дом, кредиты, ремонты, бесконечное «надо» и «должна». Я всегда ждала пятницы, ждала отпуска, ждала пенсии. Мне казалось, что настоящая жизнь начнется когда-нибудь потом, за поворотом. Нужно только немного потерпеть. И я терпела, сжав зубы, не глядя по сторонам. Я убивала время, а время убивало меня. И вот я на скамейке, в шестьдесят пять, с пакетом остывающего багета, и у меня даже не было шанса понять, что это — финал.

«Я так и не научилась быть счастливой, — призналась я с горечью, которая была больше любой земной горечи. — Я гналась за миражом. Я думала, что счастье — это цель. Я думала, что приду, получу, добыюсь — и заслужу покой. А счастье, оказывается, было в том, чтобы просто сидеть на скамейке и чувствовать запах багета».

«Ты поняла это в самый последний миг, — сказал Он с бесконечной добротой. — Это и есть трагедия и чудо вашей жизни. Вы так устроены, что истину часто видите лишь на пороге. Но Я не в претензии. Ты все равно пришла ко Мне. И ты прожила жизнь. Неидеальную, полную ошибок, боли и редких проблесков радости. Ты жила. И каждый раз, когда ты улыбалась ребенку, или жалела бездомную кошку, или просто замирала на секунду, глядя на закат, во Мне вспыхивал свет. Ты и не представляешь, какие мощные взрывы любви ты устраивала во вселенной своими крошечными, почти незаметными добрыми делами».

Мне вдруг стало легко. Вся тяжесть прожитых лет — а я чувствовала их груз даже сейчас, будучи бесплотной — исчезла. Я не видела Его, но я чувствовала этот свет, этот неиссякаемый источник понимания. Он не был стариком на облаке, не был строгим судьей с карающим мечом. Он был самым законом любви, к которому я наконец-то прикоснулась. Он был везде. В той бабочке. В слезах на моей свадьбе. В крике моего новорожденного сына. В усталых руках моего мужа.

«Что теперь?» — спросила я.

«А теперь спроси у своих вторых глаз, — ответил Он. — Что ты видишь?»

Я посмотрела. Вернее, я перестала задавать вопросы и начала воспринимать. Я увидела не прошлое и не будущее, а бесконечное настоящее. Я увидела гигантскую, прекрасную, непостижимую сеть, где каждая нить была чьей-то жизнью, и все они переплетались в единый узор. Я увидела свою мать, которая еще не родилась. Я увидела своих внуков, которые еще не умерли. Все времена слились в одну точку, и этой точкой была Любовь. Я поняла, что нет никакого «потом». Есть только бесконечное возвращение домой. Есть только этот диалог, который никогда не заканчивается.

И тогда Он сказал Свои последние слова в этом разговоре, слова, которые были не звуком, а состоянием: «Ты спрашивала, как назвать нашу первую беседу. Назови ее «Первая пара глаз». Потому что ты только начинаешь учиться видеть по-настоящему. А теперь иди, смотри и помни: Я всегда говорил с тобой шелестом листьев на том самом клене. Просто ты наконец-то перестала суетиться, присела на скамейку и услышала».

И я открыла свои новые, вторые глаза, чтобы увидеть то, что всегда было передо мной.

Глава 2. Раскаяние

После того как первый восторг от встречи с Ним утих, а свет Его присутствия стал для меня привычным, словно воздух, которым я дышала целую вечность, внутри начало просыпаться что-то новое. Словно со дна глубокого, давно забытого колодца начала подниматься муть. Сначала это было просто смутное беспокойство, легкая тень на периферии моего нового, бесплотного восприятия. Но тень росла, сгущалась, обретала очертания. Это была память. Не та удобная, приглаженная память, которую я лелеяла при жизни, находя оправдания каждому своему резкому слову и некрасивому поступку. Нет, это была память обнаженная, лишенная всех защитных покровов самообмана. В присутствии Его абсолютной правды всякая ложь, даже та, которой я убаюкивала себя десятилетиями, рассыпалась в прах.

Я вновь увидела свою жизнь, но на этот раз словно под беспощадным микроскопом. Я видела не только поступки, но и то, что рождалось внутри за мгновение до них: завистливый укол в сердце при виде чужого успеха, липкий страх, переходящий в гнев, темное удовлетворение от чужой неудачи. Боже мой, сколько же во мне было этого! Целая галерея неприглядных чувств, которые я так тщательно прятала даже от самой себя. И вот теперь они все были выставлены на этот свет — Его свет, который не жег и не обличал с укором, а просто освещал. И от этого мягкого освещения мне становилось невыносимо стыдно за каждое пятнышко грязи на моей душе.

Особенно остро вставали передо мной лица тех, кого я обидела. Их было много. Слишком много. Совсем не каких-то заклятых врагов, а самых близких, тех, кто имел неосторожность меня любить и быть со мной рядом. Перед моим внутренним взором снова и снова возникало лицо моей матери. Она стоит на кухне, такая уставшая, в старом халате, и смотрит на меня с тихой, всепрощающей грустью. А я, пятнадцатилетняя, кричу ей, что она испортила мне жизнь, что она ничего не понимает, что я ненавижу ее и этот дом. Я видела, как мои слова, словно острые осколки стекла, вонзаются в ее сердце. Я видела, как дрогнули ее губы и как она, ничего не ответив, отвернулась к плите, пряча слезы. Тогда я чувствовала лишь злое торжество подросткового бунта. Сейчас я чувствовала всю чудовищную несправедливость своей жестокости. И от этого понимания меня, уже бестелесную, скручивало в несуществующем теле болью запоздалого раскаяния. Я видела лицо своего мужа, когда он в сотый раз пытался мне что-то рассказать о своих переживаниях, а я, уткнувшись в телевизор, отмахивалась от него, как от назойливой мухи. Я убивала его любовь медленно, день за днем, пренебрежением, колкостью, отсутствием простого человеческого тепла. А он все ждал. И я увидела тот момент, когда его глаза, смотревшие на меня с надеждой, окончательно потухли. Я убила свет в глазах человека, который когда-то был готов ради меня на все.

И самое страшное — лицо моего сына. Маленький мальчик, который тянет мне рисунок, корявый и яркий, с желтым солнцем в углу листа, а я говорю: «Отстань, не видишь, я занята». Как часто я была занята! Глупыми, ничтожными делами, которые казались мне тогда такими важными. Стирка, готовка, бесконечные разговоры по телефону с подругами, мыльные оперы. Все это было для меня важнее, чем его распахнутые глаза, полные любви и ожидания. Я не разглядела свою собственную вселенную, заключенную в этом маленьком человечке. Я отмахивалась от его поцелуев, стыдила за плохие оценки, сравнивала с более успешными детьми, растила его в вечном ощущении, что он недостаточно хорош. И вот теперь я видела все те шрамы, что мои слова оставили на его душе. Раны, которые он потом залечивал годами, пыта-

ясь построить свою жизнь с грузом моей нелюбви. Это открытие было настолько невыносимым, что я, казалось, распадаюсь на части. Если бы я могла плакать, я бы залила слезами все это бескрайнее пространство. Но у меня не было глаз, не было слезных протоков, ничего из того, что могло бы дать выход этой агонии духа. Боль, не находя выхода, спрессовывалась во мне в черную дыру отчаяния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.